

КУЛЬТУРА

DOI 10.37386/2305-4077-2020-1-181-191

Г.Л. ЛЕВИНА¹*Морской государственный университет имени адмирала
Г.И. Невельского*

ПАССИОНАРНОСТЬ ВЛАДИВОСТОКА ЧЕРЕЗ АКТУАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПТА «РУССКОСТЬ» В ПОЭЗИИ Г. ЯКУНИНОЙ

В данной статье предпринята попытка выявить феномен Владивостока через призму поэтического текста на примере творчества Галины Якуниной. Рассмотрены некоторые содержательные компоненты концепта «русскость», включающие понятия «жертвенность» и острое чувство конца, края. В свете христианской эсхатологии осмыслены образ скалы/кручи и связанный с ним мотив падения/полета, характеризующий состояние преобразования. Обосновывается обращение поэта к экфрасису как концептуально обусловленному поэтическому приему, вызванному когнитивно-художественной рефлексией. Пассионарность Владивостока осмыслена через художественную символику его рубежной локации, специфику ландшафта и ментальность дальневосточного фронта.

Ключевые слова: пассионарность, дальневосточный фронт, концепт, текст, экфрасис, «русскость», обрыв, Голгофа, женьшень.

G.L. LEVINA*Admiral G.I. Nevelsky's Sea State University*

THE PASSIONARITY OF VLADIVOSTOK THROUGH UPDATING THE CONCEPT "RUSSIANESS" IN THE POETRY BY G. YAKUNINA

The article is aimed at identifying the phenomenon of Vladivostok through the prism of a poetic text on the example of works by Galina Yakunina. Some substantive components of the concept of "Russianness" are considered, including the concepts of "sacrifice" and a keen sense of the end and edge. In the light of Christian eschatology, the image of a rock / steep and the fall / flight and motive associated with it, characterizing the state of conversion, are comprehended. It justifies the poet's appeal to ephrasis as a conceptually determined poetic device caused by cognitive-artistic reflection. The passionarity of Vladivostok is comprehended through the artistic symbolism of its frontier location, the specificity of the landscape and the characterization of the mentality of the Far Eastern frontier.

Keywords: passionarity, Far Eastern frontier, concept, ephrasis, "Russianness", cliff, Golgotha, text, ginseng, myth-rhetoric.

¹ Галина Львовна Левина, кандидат культурологии, доцент по кафедре русской филологии и культуры, доцент кафедры истории искусства и культуры Морского факультета гуманитарных технологий Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского.

Исследование образа города в его культурно-смысловых проекциях становится все более востребованным направлением в науке, открывая перспективы для качественного нового осмысления человеком себя в окружающем его пространстве. Еще в начале XX в. И.М. Гревс писал: «Надо уметь подойти к сложному предмету познания, в частности понять город, т.е. описать его не только как красивую плоть, но и почуять как глубокую, живую душу, уразуметь город, как мы узнаем из наблюдения и сопереживания душу великого или дорогого нам человека» [Гревс, 1921, с. 1–2].

Научная основа такого подхода, заложенного прежде В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана, исследовавших петербургский и московский тексты, получила развитие в работах целого ряда ученых уже применительно к периферии. Прежде всего здесь необходимо назвать А.П. Люсова¹, автора концепции крымского текста в русской литературе, В.В. Абашева, интерпретировавшего Пермь как текст, Т.А. Богумил, А.И. Куляпина и Е.А. Худенко, выделивших в глубинных стратах этой темы – город как текст – геопэотику и представивших в этом ракурсе алтайский текст². Диссертация Н.Ю. Детковой «Малый провинциальный город как текст культуры» (2009)³ в этом отношении – симптоматичное явление, отражающее интерес в последнее время именно к периферийному городскому локусу, что выражено в большом количестве публикаций именно этой направленности.

Таким образом, благодаря вполне сложившейся научной школе, изучающей урбанизованный топос как культурный текст, у общества появляется новый импульс к качественно новому осмыслению понятия «малая родина» в широком социальном, художественном, философском, политическом, культурологическом и литературоведческом аспектах и контекстах.

Нам близка позиция В.В. Абашева, апеллирующего, по его же словам, к установке американского культуролога Саймона Шамы, автора исследования «Ландшафт и память», заявлявшего, что «ландшафты – это скорее явления культуры, чем природы. Модели нашего воображения проецируются на лес, и воду, и камень [и] как только какая-либо идея ландшафта, миф или образ воплотится в месте сем, они сразу становятся способом конструирования новых категорий, создания метафор более реальных, чем их референты, и

¹ См.: Люсий, А.П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. – М.: Вече, Русский импульс, 2013.

² См.: Богумил, Т.А. Геопэотика В.М. Шукшина: коллективная монография / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко; науч. ред. А.И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2017.

³ Имеется в виду диссертация Н.Ю. Детковой «Малый провинциальный город как текст культуры» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18 (156). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 12. – С. 63–69.

превращающихся в часть пейзажа» [Shama, 1996, с. 61]. Далее в качестве пролегомены к своему исследованию В.В. Абашев выдвигает основополагающий тезис о «конструктивной силе творческого воображения, вносящего свои символические структуры в реальность» [Абашев, 2014, с. 5-6].

В качестве комментария к этой цитате, на наш взгляд, напрашиваются стихи владивостокского поэта, капитана Владимира Тыцких:

Судьба моя – не то чтобы жестоко
(не так, чтоб я преодолеть не мог),
Но – повторит рельеф Владивостока,
Изрезанный и вдоль, и поперек
[цит по: Кочеткова, 2014, с.22].

Считаем, что обнаружение связи человека с местом его проживания – актуальнейший и интереснейший аспект темы «город как текст», который сейчас все более актуализируется, требуя при этом обращения к художественному слову, к мифопоэтике.

В этом отношении Владивосток является уникальным объектом художественно-поэтической рефлексии, так как, «живя на стыке двух плат – тверди и хляби, человек здесь напрямую выходит на астральный (звездный, космический) план и становится (прежде всего художник) орудием этого метафизического пространства» [Кац, 2011, с. 34].

Говоря о специфике города, его витальности, невольно выходишь на термин «пассионарность». Его при характеристике Дальнего Востока использует, в частности, А.А. Забияко: «Дальний Восток – не просто дальневосточный предел обширнейших пространств нашей Родины, это ее дальневосточный рубеж, фронтир. / .../ На протяжении тысячелетий здесь встречаются и взаимодействуют самые разные этносы и народы, сталкиваются самые неблизкие национальные интересы, переплетаются обычаи и верования. Постепенно сложился тот тип представлений жителей дальневосточных земель, и шире – ментальности, который определяется как ментальность дальневосточного фронта. /.../ Как правило, люди, способные выживать и, более того – добиваться успеха в суровых географических, климатических и психологических условиях дальневосточного порубежья, должны быть сугубо волевыми, пассионарными личностями» [Забияко, 2015, с.111].

Как известно, пассионарность – это ключевое понятие концепции Л.Н. Гумилева и имеющее, благодаря широкому толкованию этого слова в русском языке, весьма неоднозначный смысл. Так, А.А. Горелов и Т.А. Горелова пишут, что ученый интуитивно выбрал слово, которое соединяет низменную необузданность желаний (страстность) с высокой потребностью духовного подвига («стратотерпие») [Горелов, 2009, с. 38].

Показательно, что это «страстотерпие», «духовный подвиг» (то, что традиционно включается в понятие «русскость») как ключевую характеристику города выделяет Новелла Матвеева в стихотворении «Заря Владивостока» (1960–1965 гг.). Город в нем представлен как город-женшень – корень жизни России. Показательно, что автор вводит в текст мотив искупления-жертвы: женшень как добровольная искупительная жертва лежит в основании города: «О Владивосток! Далям вопреки – Ты воистину русский, ты нашенский! Ты не зря возрос на корнях тайги – Как тайга, великий, размашистый /.../. О Владивосток! Под тобой сокрыт Мир корней с переборками тонкими. И женшень впотьмах среди них стоит И тебя подпирает ручонками Не сменяя женшень на пучок репья. Окупи его жертву – сторицею! На Святой Руси назовут тебя Пятым портом и третьей столицей» [Матвеева, 2000, с. 458–460]. Город представлен здесь в ореоле «Святой Руси», «воистину русским», «нашенским», что затем закономерно закрепляется в лексеме «столица».

Плодотворным полем для изучения этой темы, на наш взгляд, является творчество Галины Павловны Якуниной – владивостокского поэта, известного за пределами региона и страны. Но, несмотря на ее довольно обширное творческое наследие (6 книг), известность и признание, в критике реакция на ее творчество представлена до сих пор недостаточно широко. Между тем, именно в ее творчестве, на наш взгляд, «ментальность дальневосточного фронта», «русскость» как феномен Владивостока раскрываются наиболее полно. Но, будучи ограниченными рамками статьи, пока рассмотрим только некоторые тематические аспекты, ярко проявляющиеся в ее творчестве.

Прежде всего хотелось бы отметить, что именно в поэзии Г. Якуниной получает развитие христианская тема жертвенности, тонко уловленная Н. Матвеевой. Через эту тему – Владивосток как христианская твердыня – Г. Якунина проводит тему «русскости» города, и при этом «русскость» (включающая «ментальность дальневосточного фронта»), на наш взгляд, в ее творчестве в большей степени и определяет «пассионарность» города.

Сама Г.П. Якунина в газете «Арсеньевские вести» пишет: «Дальний Восток – это обостренное чувство края. Мы живем на краю, ходим по краю. Может, от этого и отношение ко всем «ветрам перемен» и перестроечным катаклизмам у большинства моих земляков философское: переживем, выстоим и будем жить дальше» [Якунина, 2009, с. 24]. Мотив края, обрыва, потери «тверди» под ногами имеет концептуальное значение не только в творчестве Якуниной, но и других поэтов, обратившихся к теме Владивостока¹: например, М. Алигер в стихотворении «Владивосток» – «родной земли крутой обрыв, крутой уступ Владивостока» [Алигер, 1985а].

¹ См.: А. Киреев «А тот крутой обрыв на мысе Анна – Есть тверди окончание земной» [Киреев, 2013].

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что, в силу мифологической традиции, тема обрыва напрямую связана с темой падения – а через это с темой восстания из бездны, воскресения души, обретением ею нового качества. Другими словами, это тема инициации, духовного перерождения человека. Острое чувство края заставляет авторов, а затем и героев лирических стихотворений, пережить чувство падения и подъема – отсюда, на первый взгляд, оксюморонные лексические стяжения – например, в финале стихотворения Евг. Рейна «В бывшем отеле Челюскин ...», посвященного Владивостоку: «Гневной волны последней Снова целую след, Темной, сорокалетней, *Падающей в просвет*» (*курсив наш – Г.Л.*) [Рейн, 2005].

Но образ света в бездне – это мистерия посвящения, вызывающая чувство перерождения у человека, в буквальном и в метафорическом смысле дошедшего до «края». Этот мотив, в частности, в поэтике Гоголя исследует А.Х. Гольденберг: «Падение вниз головой предстает как «перевертывание»: являясь опознавательным знаком существ подземных и демонических, оно в то же время несет в себе позитивную семантику «инициации», повторного рождения» [Гольденберг, 2007, с. 36].

Именно здесь, на краю, человек обретает особое, визионерское видение, представленное в поэтике текста «картинками», или «экфрасисом». Об этом даре живущих «на краю» пишет Г. Якунина в стихотворении «Закрытый город»: «Это город особого знания и зренья, Обостренного чувства вершины и края. Он на стыке стихий, словно стихотворенье, Всякий раз по-иному в душе прорастает».

Показательно в этом контексте и ее стихотворение «Памятник на Крестовой сопке»:

Над суетой,
над суесловием
Взнес меня ночной зюйд-вест...
Смотрю на профиль твой, Крестовая,
В разрыве туч – скала и крест (курсив наш – Г.Л.).
Он, мною никогда не виданный,
Вдруг ранил память – отчего?
В душе над старыми обидами
Рубцом багровым – тень его.
.....
Им власть держать.
А нам – объятием
Мир от безумия спасать,
С больной страны снимать проклятие
И сыновей с креста снимать.
Из века в век стоять на росстани,
Молясь, любимых ждать с морей...
Крестовая моя, ты – крестная
Всех жен, невест и матерей.

Не знаю: сбудется, не сбудется,
Но не случайно с детских лет
Мне над тобой в тумане чудится
Не крест, а женский силуэт.
Лицо судьбе навстречу поднято:
Легко шагнув сквозь времена,
В святом неведении подвига
Сильнее всех смертей она.
В разрыве туч взлетев стремительно
Вслед кораблям, замрет рука...
Я вижу а н г е л а – х р а н и т е л я
Владивостока –
на века. [Якунина, 2012, с. 282-283]

Прием экфрасиса является серьезным предметом полемики в последнее время, вызванной, прежде всего, выраженной тенденцией к расширению традиционного значения этого понятия, но, тем не менее, в данной статье мы используем этот термин, включающий два неперенных условия: связь с живописью («картинность») и апелляцию к библейским образам, т.е. сакрализацию идеи изображенной сцены.

Семиозис текста стихотворения формируется за счет семантических полей лексем, имеющих концептуальное значение. С одной стороны, это лексема «крест», с другой – «ангел-хранитель». Представляется возможным говорить о двухчастной композиции стихотворения, определяемой соответственно этими двумя образами-символами, один из которых имеет квантификацию концепта. Так, деривационный повтор лексемы «крест» в тексте встречается семь раз («Крестовая» – «крестная» – «крест»), следовательно, базовым концептом можно считать лексему «крест». Ее семантическое поле формируется с помощью коннекторного ряда таких лексических единиц, как: *скала, тень, багровый рубец, боль, сын, бабий крест, росстань, море, жена, невеста, мать*. Знаковый для города топоним – гора Крестовая – в тексте имеет явно выраженный аналог Голгофе. Образы скалы и креста, появляющиеся «в разрыве туч» и вызывающие устойчивые ассоциации с известной евангельской сценой разрывания Завесы, на наш взгляд, дают основание говорить здесь об имплицитном экфрасисе. «Смотрю на профиль твой, Крестовая, В разрыве туч – скала и крест. /.../ С больной страны снимать проклятие И сыновей с креста снимать». Вторая часть стихотворения выделяется благодаря введению нового образа – женского силуэта, который вытесняет образ креста. Она (вторая часть) осложняется наложением образа Ассоль на образ ангела-хранителя. Образ первой имплицативен и репрезентирован метонимически через образ руки, простиертой к кораблям: «В разрыве туч взлетев стремительно Вслед кораблям, замрет рука...».

Показательно, что автор опять рисует «картинку», где разорванные тучи выполняют функцию «рамки» и апеллируют к евангельскому образу разорванной «завесы» храма (это тем более убедительно, если принять во внимание, что в Библии Скала уподоблялась Богу и Храму). Знаменательно, что эту особенность поэтики Г. Якуниной – представление сцены в «рамке», т.е. «картинность» – отметил и Лев Аннинский: «Если положить это на родной дальневосточный пейзаж, получается картинка почти стандартная: он – в море, она – на берегу. Кричат чайки. Недалеко – Крестовая сопка: там можно помолиться, чтобы вернулся. Далеко, за горизонтом, – Южный Крест... Интересно, что молитвы возносятся – к звездам. Сразу – в бесконечную высь. И героиня несет свой «бабий крест», прося ангела-хранителя не столько за любимого, сколько за «больную страну», с которой надо снять проклятие» [Аннинский, 2005, с. 101].

Владивосток как Голгофа – это открытие Г. Якуниной через репрезентацию одного из самых знаковых мест города, и в этом проявляется особое чувство автором этого города. До сих пор в поэзии о Владивостоке «скальная порода» города характеризовала «скальную породу» людей – и это традиционная аналогия в литературе советского периода, которую можно проиллюстрировать строками из стихотворения «Владивосток» М. Алигер: «На голубом твоём краю, Моя земля, моя родная, Основу скальную твою как собственную ощущаю» (Алигер, 1985b). Скала как символ страдания, жертвенной любви и долготерпения, т.е. в библейском значении, появляется только у Г. Якуниной как симптом нового времени – и это задает новый мотив в интерпретации города, позволяющий, в частности, рассматривать известный ороним города как образ-парадигму. Как отмечает А. Охоцимский: «Образы-парадигмы представляют собой сложные мысленные конструкции, в которых чувственные и эмоциональные аспекты подкрепляются без-образной, идейной составляющей, также органически связанной с религиозной парадигмой /.../ Идея дает внутренний стержень, вокруг которого образная составляющая нарастает как мясо вокруг скелета. Оставаясь невидимым, скелет придает форму всему организму» [Охоцимский, 2016, с. 42]. О парадигмальности образа следует привести в качестве комментария очень ценное высказывание М.П. Абашевой: «Символические смыслы, мотивированные геополитикой советских лет, окончательно обрушились, и новая художественная символика (знаковые ее ресурсы) нередко формируется на основе локальных истории, мифологии, географии» [Абашева, 2007, электронный ресурс].

Взлет после низвержения в бездну – магистральный библейский сюжет – продуцирует появление и образа альбатроса во владивостокском тексте Г. Якуниной. Так, в стихотворении «Владивостоку» (1999) «усталой» центральной России

противопоставляются радужные берега «вольного», «непохожего» города-Альбатроса с «лучистыми крыльями мостов», которые возносят его над «безумием века» [Якунина, 2017, с. 44–45]. Показательно, что Владивосток в этом стихотворении тоже представлен опрокинутым в бездну («сколько раз над тобой бушевали шторма») – но город взмывает из морской бездны альбатросом; причем взлетает он на крыльях «лучезарных» мостов, т.е. отмеченных божественным, пасхальным, иерусалимским огнем. Обращает на себя внимание и тот факт, что это описание тоже результат особого, визионерского видения города того, кто стоит на краю скалы, на высоте орлиного полета («Я смотрю на тебя со скалы, в этом старом дворе ...»). Образ обрыва получает развитие и в программном стихотворении Г. Якуниной «Держава»:

В таком молчанье кедры вековые,
На самой круче, на семи ветрах
Качают луч рассветный на ветвях
И держат,
Держат на краю Россию...
[Якунина, 2012, с. 17]

С одной стороны – вознесение, устремленность к небесам, к Богу, с другой – цепкость, у-корен-енность в эту землю-кручу, но с «лучом рассветным на ветвях». Именно кедры несут смысловую нагрузку, апеллируя к мифологическому образу Мирового Древа, этой координирующей скрепы между небом и землей, более того – даже с «нижним миром», «миром корней с переборками тонкими», о котором писала Н. Матвеева, и который задан образом женьшеня. «Рассветный луч» на ветвях кедров в данном контексте коррелирует с образом «лучистых» «крыльев мостов» и имеет природу небесного, божественного, пасхального огня – отсюда и гиперболизация в изображении кедров, удерживающих Россию на обрыве материка, и сакрализация их. Таким образом, и образ кедра, этого регионального символа, будучи включенным в семантическое поле концепта «Россия», получает качество «русскость».

Образ обрыва/кручи/скалы (и производный от этого образа образ лестницы), разворачивающийся в творчестве Г. Якуниной в концептуальную метафору, – сквозной в лирике владивостокских поэтов. Это неслучайно, и обусловлено не только специфическим ландшафтом города, но и ментальностью «дальневосточного фронта», особым мироощущением людей, живущих «на краю».

Мотив падения и взлета, определяющий тему обращенности героя, трансформации его сознания и внезапного озарения, инсайта, задает тему сакрализации пространства и мотив христианской эсхатологии в мифориторике города – но, заявляя этот аспект, мы пока не останавливаемся на нем, оставляя темой для дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В.В. Абашев. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 486 с.

Алигер, М. И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2 / М.И. Алигер. – Москва: Художественная литература, 1985. – 511 с.

Аннинский, Лев «Я не твоя... Я – Божья!»: Якунина Г. Космический возраст. Лирика 1996–2004 гг. / Лев Аннинский // Аннинский Л. Русский человек на любовном свидании. – Москва, 2004. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rulit.me/author/anninskij-lev-aleksandrovich/russkij-chelovek-na-lyubovnom-svidanii-get-454953.html>. (10.12.2019).

Богумил, Т. А. Геопэтика В.М. Шукшина: коллективная монография / Т.А. Богумил, А.И. Куляпин, Е.А. Худенко; науч. ред. А.И. Куляпин. – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2017. – 176 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://uni-altai.ru/ct/wp-content/uploads/2019/12/6.pdf> (20.01.2020)

Гольденберг, А. Х. Слово и живопись в поэтике Гоголя как проблема слова и стиля / А.Х. Гольденберг // Новые гоголеведческие студии: Сб. науч. статей. – Нежин, 2007. – Вып. 5(7). – С. 32–51. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://docplayer.ru/50367789-Arkadiy-goldenberg-slovo-i-zhivopis-v-poetike-gogolya-kak-problema-syuzheta-i-stilya.html>. (31.12.19).

Горелов, А. А. «Концепция пассионарности и проблема смысла жизни / А.А. Горелов, Т.А. Горелова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 36–43.

Забияко, А. А. Человек дальневосточного фронта в поиске жизни / А.А. Забияко, М.В. Щербаков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С.111–117.

Кабанков, Юрий. Надпись на сгоревшей берёсте / Юрий Кабанков // Литературная газета. – 2009. – № 26 (6230). – 24 июня.

Кочеткова, Эльвира. Красная ветка / Эльвира Коченкова. – Арсеньев: ЗАО «Полицентр», 2014. – 310 с.

Кац, Л. М. Содержание понятия «Своеобразие Дальневосточной природы в приморской искусствоведческой критике» / Л.М. Кац // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2011. – № 1. – С 33–35.

Киреев, А. Опять прибой и ветер с океана... / А. Киреев // Мой университет. Журнал Тихоокеанского государственного университета. – 2013 (13). – № 1. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://muniver.khstu.ru/nasha-malaya-rodina-dalnij-vostok/2013/03/26/opyat-priboj-i-veter-s-okeana>. (30.12.2019).

Мастеница, Е. Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход. – Петербургские исследования: сборник научных статей, Вып.3. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 128–147.

Матвеева, Н. Н. Заря Владивостока / Н.Н. Матвеева // Караван: сб. стихов, Москва: Гудьял-Пресс. – 2000. – 509 с. – (Серия: Антология авторской песни).

Охоцимский, Андрей. Образы-парадигмы в христианской культуре / Андрей Охоцитский // Вопросы культурологи. – 2016. – №8. – С. 36–44. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/2015/05/19/2154>. (31.12.2019).

Рейн, Е. Владивосток / Е. Рейн / Звезда. – 2005. – № 12. [Электронный ресурс]. – URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=403>. (28.12.19).

Якунина, Г. П. Мосты над вечностью // Арсеньевские вести. – 2009. – №29 (853) 22-28 июля. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.arsvest.ru/archive/issue853/world/view16168.html>. (28.12.19).

Якунина, Галина. Держава / Галина Якунина // Держава. Стихи, эссе, статьи. – Владивосток: СВЕТЛАНАКунгурова, 2012. – 288 с.

Якунина, Галина. Опыт счастья: стихи, эссе / Галина Якунина. – Владивосток: ОАО «ИПК «Дальпресс», 2017. – 176 с.

REFERENCES:

Abashev, V. V. Perm kak tekst. Perm v russkoi kulture i literature XX veka / V.V. Abashev. – Moskva-Berlin: Direkt-Media, 2014. – 486 s.

Aliger, M. I. Sbranie sochinenii: v 3 t. T. 2 / M.I. Aliger. – Moskva: Hudojestvennaya literatura, 1985. – 511 s.

Anninskii, Lev. «Ya ne tvoya... Ya – Bojya»: Yakunina G. Kosmicheskii vozrast. Lirika 1996–2004 gg. / Lev Anninskii // Anninskii L. Russkii chelovek na lyubovnom svidanii. – Moskva, 2004. – [Elektronnii resurs]. – <https://www.rulit.me/author/anninskij-lev-aleksandrovich/russkij-chelovek-na-lyubovnom-svidanii-get-454953.html>. (10.12.2019).

Bogumil, T. A. Geopoetika V.M. Shukshina: kollektivnaya monografiya / T. A. Bogumil, A. I. Kulyapin, E. A. Hudenko; nach. red. A.I. Kulyapin. – Barnaul: Izd-vo AltGPU, 2017. – 176 s. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://uni-altai.ru/ct/wp-content/uploads/2019/12/6.pdf>. (20.01.2020).

Goldenberg, A. H. Slovo i zhivopis v poetike Gogolya kak problema slova i stilya / A.H. Goldenberg // Novie gogolevedcheskie studii: Sb. nach. statei. – Nejin, 2007. – Vip. 5 (7). – S. 32-51. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://docplayer.ru/50367789-Arkadiy-goldenberg-slovo-i-zhivopis-v-poetike-gogolya-kak-problema-syuzheta-i-stilya.html>. (31.12.19).

Gorelov, A. A. «Konceptsiya passionarnosti i problema smisla jizni / A.A. Gorelov, T.A. Gorelova // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2009. – № 1. – S. 36–43.

Zabiyako, A. A. Chelovek dalnevostochnogo frontira v poiske jizni / A.A. Zabiyako, M.V. Scherbakov // Socialnie i gumanitarnie nauki na Dalnem Vostoke. – 2015. – № 1 (45). – S.111–117.

Kabankov, Yurii. Nadpis na sgorevshei bereste / Yurii Kabankov // Litearutrnaya gazeta. – 2009. – № 26 (6230). – 24 iyunya.

Kochetkova, Elvira. Krasnaya vetka / Elvira Kochenkova. – Arsenev: ZAO «Policentr», 2014. – 310 s.

Kac, L. M. Soderzhanie ponyatiya «Svoeobrazie Dalnevostochnoi prirodi v primorskoj iskusstvovedcheskoj kritike» / L.M. Kac // Gumanitarnie issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke. – 2011. – № 1. – S. 33–35.

Kireev, A. Opyat priboi i veter s okeana... / A. Kireev // Moi universitet. Jurnal Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – 13. – № 1. – [Elektronnij resurs]. – URL: <http://muniver.khstu.ru/nasha-malaya-rodina-dalnij-vostok/2013/03/26/opyat-priboj-i-veter-s-okeana>. (30.12.2019).

Mastenica, E. N. Kulturnoe prostranstvo goroda kak predmet issledovaniya i obekt poznaniya: mejdisciplinarnij podhod. – Peterburgskie issledovaniya: sbornik nauchnih statei. Vip.3. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SpbGU, 2011. – S. 128-147.

Matveeva, N. N. Zarya Vladivostoka / N.N. Matveeva // Karavan: sb. Stihov. – Moskva: Gudyal-Press. – 2000. – 509 s. – (Seriya: Antologiya avtorskoj pesni).

Ohocimskii, Andrei. Obrazi-paradigmi v hristianskoj kulture / Andrei Ohocitskii // Voprosi kulturologi. – 2016. – №8. – S. 36–44. – [Elektronnij resurs]. – URL: <https://www.proza.ru/2015/05/19/2154>. (31.12.2019).

Rein, E. Vladivostok / E. Rein / Zvezda. – 2005. – № 12. – [Elektronnij resurs]. – URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=403>. (28.12.19).

Yakunina, G. P. Mosti nad vechnostyu // Arsenevskie vesti. – 2009. – №29 (853). 22-28 iyulya. – [Elektronnij resurs]. – URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=403>. (28.12.19).

Yakunina, Galina. Derjava / Galina Yakunina // Derjava. Stihi: esse, stati. – Vladivostok: SVETLANAKungurova, 2012. – 288 s.

Yakunina, Galina. Opit schastyia: stihi, esse / Galina Yakunina. – Vladivostok: OAO «IPK «Dalpress», 2017. – 176 s.